

К. Н. БЕРКОВА

ПРИЗНАКИ
ИЖСКАЯ КОММУНА
И
РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ



КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
СВЕРДАЛОВСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Москва — 1926 Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Документы, исследования, публицистика,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
а также
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>
а также
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune
а также http://community.livejournal.com/znanie_vlast/
а также <http://politazbuka.ru/>



КНИЖНАЯ ФАБРИКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА
НАРОДОВ СССР
МОСКВА, ШКОЛЬНАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ, 16/2

ТИРАЖ 15.000.
ГЛАВАНТ 65.127.

Парижская Коммуна и русские революционеры.

I.

18 марта 1871 г. — одна из самых замечательных дат всемирной истории.

В этот день парижский пролетариат кровью и железом начертал свою волю на баррикадах мирового города. Провозглашение Парижской Коммуны было победным кличем рабочего класса. Поражение Коммуны, после двухмесячного господства, было поражением пролетариата в борьбе с его классовым врагом.

На протяжении 80 лет, начиная с Великой Революции 1789 г., Париж был главным очагом революционных взрывов, потрясавших Францию и отзывавшихся громовыми раскатами по всей Европе.

Борьба парижских рабочих и ремесленников за освобождение труда красной нитью проходит через всю историю революционного движения во Франции.

Великая французская революция разрушила старый сословно-феодальный порядок и построила на его развалинах буржуазное общество. Французский пролетариат, сражавшийся вместе с буржуазией за «свободу, равенство и братство» на баррикадах 1789 и 1792 г. г., скоро убедился, что «свобода» в буржуазном обществе означает лишь свободу эксплуатации труда капиталом, а юридическое равенство и братство не исключают глубокого социального неравенства. И уже в 1796 г. парижский пролетариат, устами Гракха Бабёфа, заявляет, что революция не кончена, что она будет закончена лишь тогда, когда будет изменен в корне весь общественный строй и положен конец социальному неравенству. Но «заговор равных», с Бабёфом во главе, был подавлен железной рукой уже окрепшей буржуазии. Первая попытка французского пролетариата выступить как класс, с целью социального переворота, потерпела крушение.

Революции 1830 и 1848 г. г. произошли при ближайшем участии рабочего класса. Однако, пролетариат играл в них лишь роль орудия, которым пользовались другие классы для своих целей. Рабочие каждый раз убеждались, что им приходится «выгрести каштаны из огня» для буржуазии. Политические формы классового господства менялись — за буржуазной монархией следовала буржуазная республика, — но самое господство буржуазии оставалось неизменным. В июне 1848 года парижский пролетариат, убедившись, что провозглашенное революцией «право на труд» остается лишь пустой фразой, что буржуазная республика,

вместо хлеба, дает ему камень, — снова идет на баррикады, защищая свои права с оружием в руках. После 5-тидневной героической борьбы восстание потоплено в крови. Рабочее движение на время загнано в подполье.

На смену буржуазной республике 1848 года пришла вторая империя Луи-Бонапарта¹⁾ — этого «маленького Наполеона», как презрительно называл его великий французский писатель Виктор Гюго. Царствование Наполеона III было расцветом французского империализма. Чтобы дать простор империалистическим вождениям буржуазии и вместе с тем отвлечь внимание масс от классовой борьбы, правительство Бонапарта затеяло франко-прусскую войну. Война привела к полному военному разгрому Франции, а последствием разгрома явилась новая революция, в которой пролетариат выступил во весь рост.

2-го сентября 1870 года французская армия, с императором Наполеоном III во главе, была окружена пруссаками под Седаном и захвачена в плен. Неприятельские войска двинулись к Парижу. Зловещая новость быстро долетела до столицы. 4 сентября Париж охвачен восстанием. Империя Луи-Бонапарта об'является низвергнутой, провозглашается республика.

Во главе республиканского правительства стали представители буржуазии, как Тьер, Жюль-Фавр и другие, окрестившие себя громким именем «правительства национальной обороны». Вопрос об

1) Племянник императора Наполеона Бонапарта, царствовавший под именем Наполеона III.

обороне республики был жгучим и неотложным. Враг стоял у ворот. Население Парижа охвачено энтузиазмом. Оно быстро формирует национальную гвардию из 600.000 человек, состоящую, главным образом, из рабочих и ремесленников, которые заявляют о своей готовности защищать Париж до последней капли крови. В противовес буржуазному «правительству национальной обороны», в Париже образуется «Центральный Комитет Национальной Гвардии» из представителей пролетариата, который, не доверяя правительству, призывает под ружье всех граждан, годных к военной службе.

Буржуазное правительство усматривает в этом движении «низов» серьезную угрозу своему собственному существованию. Оно ничего не делает для обороны Парижа, всецело поглощенное одной заботой — как бы удержать власть в своих руках. Для этой цели все средства хороши. Тьер и его сподвижники заключают союз с иноземными штыками против парижского пролетариата и сдают Париж «железному канцлеру» Бисмарку. «Правительство национальной обороны» превращается в правительство национальной измены. 27 января заключается мир на самых позорных условиях: на Францию наложена 5-миллиардная контрибуция, французская провинция Эльзас-Лотарингия отходит к Германии. Весть об этом вызывает взрыв негодования в массах парижского населения, геройски выдерживавшего пятимесячную осаду города. Правительство, под угрозой восстания, решает разоружить Национальную Гвардию. И вот, в ночь на 18 марта 1871 года Тьер посылает прави-

ТЕЛЬСТВЕННЫЕ войска для захвата артиллерии Национальной Гвардии, сооруженной по подписке на общественный счет. Эта попытка кончается полной неудачей: войска братаются с Национальной Гвардией, парижале, возмущенные позорной изменой правительства, берутся за оружие. Правительство бежит из столицы в Версаль — городок в 30 верстах от Парижа; революционный народ провозглашает Коммуну. Утром 18 марта буржуазный Париж просыпается под громкие крики: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует социальная революция!»

После бегства правительства Тьера, власть перешла к Центральному Комитету. 26 марта это Временное Революционное Правительство уступило место Совету Коммуны, избранному парижскими округами, посредством всеобщей подачи голосов. Большинство буржуазного населения бежало вслед за Тьером в Версаль; голосовали на выборах преимущественно революционные слои парижского населения. В Коммуну вошло 80 членов — почти сплошь социалисты и революционеры, представители рабочих, ремесленников и радикальной интеллигенции, решительно ставшей на сторону пролетариата. Впервые в истории Франции власть очутилась в руках рабочего класса.

Парижская Коммуна была политической формой классового господства пролетариата. В ней сосредоточилась вся полнота власти — законодательной и исполнительной. Парижская Коммуна была ярко выраженной формой диктатуры пролетариата. Эта диктатура, при которой вся власть принадлежала одному классу, должна была послу-

жить переходной ступенью к новому общественному строю — социализму, при котором не будет никаких классов, а лишь — одно свободное общество трудящихся.

Захватив в свои руки старую государственную машину, пролетариат занялся преобразованием ее для своих целей. Закипела лихорадочная работа по строительству новой жизни. Прежде всего, были уничтожены главные орудия порабощения народных масс при старой власти: постоянная армия, полиция и бюрократия. Первым делом Коммуны был декрет об уничтожении постоянной армии и замена ее всеобщим вооружением народа. Место армии заняла Национальная Гвардия, состоящая, главным образом, из рабочих и ремесленников. Парижская полиция была преобразована в общественную организацию, члены которой могли быть сменяемы и были ответственны перед законом. Старое чиновничество было совершенно уничтожено. Все общественные должности стали выборными. Высший оклад жалования не должен был превышать 500 франков — менее 200 рублей — в месяц, т. е. заработной платы квалифицированного рабочего.

Вслед за этими первыми шагами по пути государственного строительства, Коммуна приступила к реформе народного образования и церкви. Был провозглашен принцип всеобщего бесплатного обучения, отделение школы от церкви¹⁾ и церкви

¹⁾ Во Франции многие учебные заведения — особенно иезуитские коллегии и пансионы для девиц — находились под исключительным влиянием духовенства. При таких условиях, разумеется, не могло быть речи о свободе совести для обучавшейся в них молодежи.

от государства. Церковные имущества были национализированы, религия была объявлена частным делом, а служители церкви — частными, а не должностными лицами.

Идя навстречу нуждам парижской бедноты, изголодавшейся во время осады, Коммуна объявила отмену уплаты за квартиру в течение истекших 9 месяцев и отсрочку платежей по вексялям.

В области промышленности главными мероприятиями Коммуны были: передача рабочим товариществам всех фабрик и заводов, хозяева которых бежали, запрещение ночной работы в некоторых отраслях, запрещение снижения заработной платы путем штрафов и т. д.

Таковы были главнейшие социальные мероприятия Коммуны.

Классовая пролетарская природа Коммуны ярко отразилась в одном из ее последних декретов — декрете об уничтожении Вандомской колонны.

Вандомская колонна — огромный памятник с бронзовой статуей Наполеона I, сооруженный в память его блестящих побед. Своим декретом Коммуна приказывала в срочном порядке уничтожить этот «символ грубой силы и военного деспотизма, вечное покушение на братство народов».

16 мая Вандомская колонна, предварительно перепиленная, рухнула под звуки Марсельезы и разбилась в куски при криках восторга огромной толпы, переполнявшей площадь. Вандомская площадь отныне была переименована в Интернациональную площадь.

Так Парижская Коммуна отряхнула от своих ног «прах старого мира», беспощадно низвергая его героя и полубога.

Атмосфера строго напряженного труда, царившая во время двухмесячного господства Парижской Коммуны, совершенно преобразила город. Блестящий Париж ночных кабаре, безумной роскоши и распутства, сенсационных преступлений, казалось, бесследно исчез . . . «Мы уже не слышим, — говорит один из членов Коммуны, — ни об убийствах, ни о грабежах, ни о преступлениях против нравственности. Можно подумать, что полиция увезла с собой в Версаль всех своих друзей из преступного мира». Улицы стали безопасны, нет ночных грабежей и происшествий, в морге нет ни одного трупа. Таково было влияние на парижские нравы коммунаров, этих «беглых кагоржников, нагло восставших против семьи, религии, порядка и собственности», — по презрительному выражению Жюль Фавра.

Когда Коммуна издавала свой декрет об уничтожении Вандомской колонны, дни ее были сочтены. Правительство Тьера, вместе с буржуазным национальным собранием, заседавшее в Версале, успело оправиться от испуга и перешло в наступление. Заключив соглашение с Бисмарком, беспрекословно приняв все его условия мира, версальское правительство двинулось против революционного Парижа. 21 мая версальцы, вместе с прусскими войсками, сломив упорное сопротивление коммунаров, заняли столицу.

Началась кровавая расправа. Коммунаров пытали, жгли, расстреливали без меры и числа. Рас-

стреливали женщин, стариков, расстреливали матерей с детьми, детей без матерей, больных и раненых. Из окон госпиталей выбрасывали раненых коммунаров на растерзание версальцам. Расстреливали врачей, отказавшихся выдать раненых. Версальцы проявляли нередко самую угонченную жестокость. Историки и участники парижской Коммуны, Артур Ариу говорит: «Записные журналисты и пышные богини наслаждений бегали нюхать трупы. Красавицы вытаскивали порой кончики своих зонтиков в зияющие раны еще живых людей» . . .

Коммунары проявили исключительное мужество и стойкость перед лицом смерти. Историк Коммуны приступает к описанию их в следующих выражениях: «Шапки долой! Я буду говорить о мучениках Коммуны . . . Сколько их?! Никому не перечеть!..» Среди этих тысяч безвестных героев выделяется ряд титанических фигур, имена которых дошли до потомства. Это — Варлен, Дюваль, Мильер, Делеклюз, Флуранс, Ферре, Россель, Тони, Муален, Рауль Риго, поляк Домбровский. Одни из них — Варлен, Дюваль — были истые сыны народа. Другие, как Флуранс, Делеклюз, были выходцы из буржуазной среды, самоотверженно отдавшиеся делу пролетариата. Все они были расстреляны или погибли на баррикадах.

Женщины не уступали мужчинам в беззаветной храбрости и презрении к смерти. Так, одна из многих женщин, сражавшаяся на баррикадах, Луиза Мишель, впоследствии известная анархистка, гордо заявила на суде: «Я отдала всю свою жизнь социальной революции и готова принять ответственность за все свои действия . . . Если всякое бю-

щесся за свободу сердце имеет право лишь на кусочек свинца, то я требую своей доли! Если вы оставите меня жить, я не перестану кричать о мести!..» Ее приговорили к ссылке на каторгу в Новую Каледонию.

Дети соперничали в героизме со взрослыми. П. А. Кропоткин в своих «Записках революционера» приводит следующий рассказ одного из уцелевших старых коммунаров, который тот передавал ему со слезами на глазах. Версальцы собирались расстреливать мальчика лет 12. Ребенок обратился к офицеру с просьбой разрешить ему отнести матери серебряные часы. Тот из жалости дал разрешение, думая, что мальчик не вернется. Но через четверть часа маленький герой прибежал обратно и стал к стенке со словами: «Я готов!» 12 пуль пресекали его юную жизнь.

В течение «кровавой недели», от 21 до 28 мая, было расстреляно версальцами около 30.000 человек; из них 3—5 тысяч погибли на баррикадах, остальные были захвачены и расстреляны по анонимным доносам.

30.000 убитых, 40—45 тысяч арестованных на долгие сроки, 13.000 приговоренных к ссылке, тысячи вынужденных бежать за границу — всего около 100.000 жертв белого террора.

Так мстила буржуазия восставшему пролетариату за те страхи, которые она испытала во время его двухмесячного господства.

II.

Каково было влияние Парижской Коммуны на русское революционное движение 70-х годов?

Проследим, прежде всего, как отозвались на Парижскую Коммуну оба «властителя дум» революционного народничества 70-х годов—М. А. Бакунин и П. Л. Лавров.

Бакунин к тому времени уже пользовался европейской известностью, как видный анархист, «апо-стол всемирного разрушения». Живя в Швейцарии, Бакунин лихорадочно следит за всеми перипетиями франко-прусской войны. Военные неудачи французов, грозящий им полный разгром — все это пробуждает в нем надежды на социальную революцию во Франции. Всенародное восстание — вот единственный путь к спасению Франции. Это восстание Бакунин, разумеется, представляет себе в духе своей анархической программы. Оно будет стихийным, вне всякой организующей силы, оно неизбежно приведет к полному разрушению государства и торжеству безгосударственности, анархии. Феодално-монархическая, республиканско-демократическая или социалистическая государственная власть — одинаково вредны с точки зрения Бакунина. В «Письмах к французу» он бросает анархический призыв: «Нужно произвести революцию в деревнях, вызвав революционное движение среди самих крестьян, толкая их к разрушению собственными руками существующего обществен-

ного порядка, всех политических и гражданских институтов и к созданию, к организации в деревнях анархии . . . Разнуздайте эту народную анархию как в деревнях, так и в городах, разверните ее во всю ширь так, чтобы она катилась, как бешеная лава, снося и разрушая на своем пути все: всех врагов и пруссаков. Это геройский и варварский способ, — я знаю. Но это последний и отныне единственно-возможный способ. Вне его нет спасения для Франции».

Боевой, революционный темперамент Бакунина толкает его в водоворот событий. В 1870 г., как и в 1848 г., он не ограничивается революционной агитацией, но спешит принять непосредственное участие в революционной борьбе. В сентябре 1870 г. Бакунин едет в Лион, чтобы поднять восстание в провинции. Здесь уже собрались его единомышленники, среди них русский офицер Озеров и поляк Лункевич. Бакунин выступает на митинге, призывает к восстанию, уничтожению старых органов власти и образованию революционной федерации коммун и комитетов спасения по городам и селам. 26 сентября в Лионе появляется прокламация—уже от имени революционной федерации коммун, за подписью Бакунина и других главарей движения.

«Если революционно-организованный народ не поспешит действовать,—гласило это воззвание,—то его будущее погибло, революция погибла, все погибло». Далее следует призыв к действию, т. е. к низложению властей и образованию во всех коммунах комитетов спасения Франции, которые пошлют делегатов во временное революционное

правительство — Конвент. Прокламация заканчивается призывом: «К оружию!»

Однако, взяться за оружие не пришлось, так как уже через 3 дня восстание было подавлено, и сам Бакунин арестован. Сидя в ратуше (городская дума), он ждал расправы озверевшей контр-революции, как вдруг ворвалась толпа его сторонников, под предводительством Озерова и Лункевича, и освободила его. Бакунин принужден был бежать из Лиона.

Неудача лионского восстания сильно повлияла на Бакунина. Он падает духом и даже теряет веру в близкое торжество социальной революции. «Прощай свобода, прощай социализм, справедливость для народа и торжество человечности», — писал он другу, покидая Лион.

Весть о мартовской революции в Париже и провозглашении Коммуны снова воскрешает надежды Бакунина. В успех Коммуны он не верит, он видит ее обреченность. Но признавая в Коммуне факт громадной исторической важности, Бакунин горячо приветствует парижскую революцию. «Все достоинство этой революции состоит именно в том, что она революция рабочих»,—пишет он Озерову. Чрезвычайно любопытно, что эту «революцию рабочих» Бакунин окрашивает в анархические цвета. В своей статье «Парижская Коммуна и понятие о государственности» он прямо заявляет: «Я сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием государства». Причину падения Парижской Коммуны Бакунин видит в том, что, несмотря на общий анархический характер движения, во главе

его стояли якобинцы-государственники¹⁾). Однако, это не мешает Бакунину воздавать дань восторженного преклонения Парижской Коммуне и революционному Парижу, ее создавшему:

«Париж, нанесший смертельный удар политическим традициям буржуазного радикализма и положивший реальное основание революционному социализму, — восклицает Бакунин, — Париж, вновь заслуживший проклятия всех реакционеров Франции и целого мира! Париж, в смертельной ненависти к ликующей реакции похоронивший самого себя под дымящимися развалинами! Париж, спасший ценой своего разрушения честь и будущее Франции и показавший человечеству, что если жизнь, ум, нравственная сила и исчезли в высших классах, то зато они, могучие и полные будущности, сконцентрировались в пролетариате! Париж, освятивший новую эру, эру решительного и полного освобождения народных масс!»

Так приветствовал Парижскую Коммуну вдохновитель русских «бунтарей» 70-х годов, стремившихся поднять всенародный крестьянский бунт во имя социальной революции.

Перейдем теперь к идейному вождю «пропагандистов» 70-х годов — П. Л. Лаврову.

Лавров, бежавший из ссылки за границу, в начале 1871 г. поселился в Париже. Когда разразилась мартовская революция, он принял близкое участие в делах Коммуны и предложил ей свои услуги по организации народного образования. В

¹⁾ Якобинцами в эпоху Великой Французской Революции называлась крайняя левая партия, представители революционной демократии, стоявшие у власти в 1792–1794 г. г.

конец марта Лавров, по свидетельству Г. А. Лопатина,²⁾ исполняя ответственное поручение Коммуны, отправился в Лондон, чтобы убедить Генеральный Совет Интернационала³⁾ поднять агитацию в пользу Коммуны среди английских рабочих. Современник, участник и горячий сторонник Парижской Коммуны, Лавров весьма детально высказывает свое отношение к ней в статье о Парижской Коммуне, помещенной в его газете «Вперед» 18 марта 1875 года, в письмах к друзьям и особенно в своей книге «Парижская Коммуна», вышедшей в 1879 году.³⁾

Парижская Коммуна для Лаврова прежде всего — первая пролетарская революция. «Великие дни марта 1871 г. были первыми днями, когда пролетариат не только произвел революцию, но и стал во главе ее. Это была первая революция пролетариата». Опыт Парижской Коммуны, по мнению Лаврова, показал, что рабочий класс может собственными силами построить новый порядок. Значение этого опыта нисколько не умаляется тем, что он потерпел крушение, после 70-дневного существования. «Для тех, кто истинно желает прогресса человечества, — писал Лавров, — кто знает, что лишь на пуги социального переворота этот прогресс в настоящем возможен, кто привык вмагиваться глубже в ход истории и не пугается не-

¹⁾ Видный революционер 70-х годов, близкий друг К. Маркса и П. Л. Лаврова.

²⁾ 1-й Интернационал, Международное Товарищество Рабочих, основанное К. Марксом в 1864 г.

³⁾ Вторым изданием «Парижская Коммуна» Лаврова вышла в Петрограде, в изд. «Колос» в 1919 г.

которого количества крови и гноя, которые текут под ее ланцетом из ран человечества, для того Парижская Коммуна — одно из замечательнейших опытов. Как будто ученый лишь тогда доволен, когда опыт удался, когда результат окончательно получен? Нет, гораздо важнее те минуты, когда он угадает мегод, которым вопрос решится . . . Буржуазные партии всех сортов с ужасом смотрят на этот опыт государства неизвестных людей, которые господствовали в одной из величайших столиц мира, в продолжение 2½ месяцев, только что выйдя из своей мастерской и из-за своего прилавка, не имея денег, не имея чиновничьей рутинны, не имея какого-либо значительного образования, не имея политической подготовки; организовали государство, со всеми его органами, под выстрелами неприятеля, посреди бесчисленного множества внутренних врагов и изменников почти явных; издали ряд декретов, которые в значительной доле далеко превосходят систему законодательства всех французских правительств последнего периода . . .»

Разбирая причины неудачи Парижской Коммуны, Лавров подходит к вопросу гораздо глубже, чем Бакучин. Он становится на классовую точку зрения и ставит в вину мартовской революции производство выборов в Коммуну путем всеобщего голосования, доказывая, что это был по существу отказ от диктатуры пролетариата, уступка буржуазному демократизму.

«Если бы революция, — писал Лавров, — признала себя откровенно революцией пролетариата, немедленно организовалась в общину ра-

бочего класса, принимая в ее среду лишь тех, которые вступили бы под знамя социальной революции, и решительно устраняя из своей среды все элементы, враждебные рабочему пролетариату, — то были бы устранены и все претензии врагов рабочей Коммуны на равноправность . . .»

Признавая политическое равноправие пролетарских и непролетарских элементов, Коммуна тем самым как бы признавала возможность примирения классов, социального мира между капиталом и трудом — в такой момент, когда, в действительности, происходила самая ожесточенная борьба. «Мир! — восклицает Лавров, — да, мир это дальняя, весьма дальняя цель социальной революции... Но где же сегодня элементы мира? Может ли эксплуататор, живущий потом и кровью работника, примириться с тем, что он будет лишен всех позорных средств своего существования? Имеет ли право рабочий примириться с палачами брагьев? Нет и не может быть мира между нынешним государством и «социальным возрождением». Буржуазия это знает, и государство знает это . . . и пролетариат должен знать это».

Переходя к выводам из уроков Коммуны, Лавров ставит вопрос: почему Коммуна, стремившаяся к социальной революции, не выполнила своей программы? И отвечает на него так: «Потому что социальный вопрос, единственный живой вопрос нашего времени, должен был постоянно уступать вопросу политическому. Потому что пролетариат делал опять-таки не свое дело, прежде чем обратился к своему вопросу. Тяжелый и кровавый урок дали великие дни 1871 года бу-

душим революциям пролетариата: прежде всего и резко всего победоносная революция должна поставить вопрос социальный. Дело не в «свободе, равенстве и братстве», дело в свободе от всякой экономической эксплуатации, в равенстве всех борцов против монополий, в братстве всех рабочих, соединенных против праздных бездельников».

Чрезвычайно интересно отметить, что Лавров, дающий оценку Коммуны с классовой точки зрения, тотчас же покидает ее, как только пытается применить опыт Коммуны к российской действительности.¹⁾ Книга Лаврова, «Государственный элемент в обществе будущего», является ярким образчиком утопического (ненаучного) понимания будущей русской революции. Парижская Коммуна была пролетарской революцией. Наша же социальная революция будет революцией крестьянской. Община и артель — вот главнейшие предпосылки этого грядущего социального переворота. Наш крестьянин-общинник — прирожденный социалист и враг частной собственности, и результатом всенародного крестьянского восстания у нас может быть только федерация — вольный союз самоуправления общин.

Итак, в Париже — ожесточенная классовая борьба, у нас — мирная картина процветания крестьянской общины, которая в недалеком буду-

¹⁾ Такая непоследовательность Лаврова объясняется тем, что Лавров представлял собою тип разносторонне образованного *эпиктеца*, т. е. соединял в своем миросозерцании разнородные черги — марксизм с утопическим (ненаучным) социализмом, идеализм с материализмом и т. п.

щем развернется в анархо-социалистический строй. Благодаря отсутствию капиталистических элементов в нашем хозяйстве, а также отсутствию борьбы классов, тяжелая колесница истории у нас пойдет особыми путями, неизвестными Западу. Так в миросозерцании Лаврова мирно уживались противоположные элементы. Он наблюдал русскую и европейскую действительность через различные стекла, различно преломляющие факты и явления.

и роскоши, учигься, наслаждаться искусствами. Он сбросит с себя свой барский наряд, прикосновение которого жжет его тело, наденет грубый крестьянский армяк и лапти и, покинув богатый дом родных, в котором ему душно, как в тюрьме, он отправится в народ, в какую-нибудь затерянную в глуши деревушку и там, слабый, изнеженный барчонок, он будет исполнять тяжелую крестьянскую работу, будет подвергать себя всевозможным лишениям, чтобы только внести в эту несчастную среду слово утешения, евангелие наших дней — социализм. Что для него ссылка, Сибирь, смерть? Весь поглощенный своей великой идеей, лучезарной, живительной, как благодатное солнце юга, он презирает страдания и самую смерть готов встретить с улыбкой блаженства на лице. Так родился социалист-революционер 1872—1874 г. г.».

Слова Кравчинского, ризумеется, не следует понимать в том смысле, что Парижская Коммуна была единственной исторической предпосылкой, главным моментом, вызвавшим «хождение в народ». Это движение было равнодействующей целого ряда причин: тут сказались и хозяйственные отношения пореформенной эпохи, и рост нового общественного слоя — разночищев, и революционное движение 60-х годов, и различные этапы классовой борьбы, развертывавшиеся на Западе. Но в этой цепи социально-экономических фактов и явлений, вызвавших движение передовой молодежи в начале 70-х годов, одним из звеньев, несомненно, являлась и Парижская Коммуна. Об этом единодушно свидетельствуют воспоминания цело-

го ряда виднейших семидесятников. Приведем еще несколько показаний.

Лукашевич, один из участников «хождения в народ», впоследствии заключенный в Шлиссельбургскую крепость за участие в деле «второго 1 марта»,¹⁾ рассказывает в своих воспоминаниях:

«По поводу известия о казни в Париже коммунаров Росселя и Ферре, расправа с которыми была отсрочена, приезжие из Петербурга товарищи познакомили нас с историей Парижской Коммуны, которой мы прежде не понимали. Потрясающие картины великой титанической борьбы возымели на этот раз свое полное действие. Теперь мы чувствовали себя в полной мере современниками Делеклюза и Вермореля. Мы проникались строгим «классовым» патриотизмом интернационального пролетариата и, конечно, от всей души ненавидели Тьера и версальцев. Я всегда считал эти факты — нечаевский процесс²⁾ и Парижскую Коммуну — теми двумя далеко видными вехами, которыми определялся весь мой дальнейший путь жизни».

1) 1-го марта 1887 г. группа молодых террористов подготавлила неудачное покушение на Александра III. За эту попытку цареубийства 5 человек (А. И. Ульянов, Осипанов, Генералов, Андреюшкин и Шевырев) были казнены, а Лукашевич и Новорусский — заключены в Шлиссельбургскую крепость.

2) Сергей Нечаев в 1869 г. основал революционную организацию «Общество Народной Расправы или Топора». В 1873 г. судился и был приговорен к 20-летней каторге. Умер в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости в 1883 г.

В таком же духе высказывается и Джабадари¹⁾, вспоминая о своих гимназических годах, проведенных в Тифлисе:

«Помню, меня очень поражало тогда, что темы споров на этих сходках были те же, что и в далеком нашем тифлисском кружке: говорили о Парижской Коммуне, говорили о буржуазных республиканцах, как об изменниках народа, говорили о Нечасве и его аресте в Цюрихе, и в связи со всем этим, о нашем правительстве, которое душил молодежь и народ, как душило французское правительство — Парижскую Коммуну».

Если так чутко прислушивалась к парижским событиям молодежь, воспитывавшаяся в России, то, разумеется, еще сильнее было их революционизирующее влияние на русскую молодежь, учившуюся за границей. А такой было не мало в Швейцарских университетах, особенно в Цюрихе. Одна из замечательнейших деятельниц революционного движения 70-х годов, В. Н. Фигнер²⁾, вспоминая свою студенческую жизнь в Цюрихе, пишет:

«В библиотеке происходили постоянно разные сборы: на стачки рабочих, на коммунаров, на русских эмигрантов, на революцию в Испании и т. п. На стенах читальни часто виднелись объявления о сходках рабочих, о лекциях для рабочих и т. п.

¹⁾ И. Д. Джабадари судился по «процессу 50-ти» в 1887 г. за революционную пропаганду среди московских фабрично-заводских рабочих.

²⁾ Член Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», активная участница многих террористических актов, прибыла в заключение 2 года в Петропавловской крепости и 20 лет в Шлиссельбургской крепости. В настоящее время живет в Москве.

Надо было быть совсем слепым и глухим, чтобы не заинтересоваться; начались посещения рабочих совещаний, банкетов в честь Коммуны, собраний швейцарских рабочих союзов и секций Интернационала. Интерес к изучению социализма, как георегического, так и практического, как он выражался в организациях рабочих, достиг сильной степени».

Интерес к изучению социализма был вызван, главным образом, историей развития и трагической гибели Парижской Коммуны. Были среди русской молодежи и такие элементы, которые, не довольствуясь изучением социализма и подготовкой к будущей деятельности, бросались в самую гущу революционной борьбы. Таков был молодой друг Бакунина М. П. Сажин,⁴⁾ который, при первом известии о Парижской Коммуне, помчался в Париж, сражался на баррикадах и, после занятия версальцами города, едва успел спастись под грохот версальских пушек и стоны расстреливаемых.

Русская молодежь, учившаяся за границей, разумеется, смотрела на Парижскую Коммуну через призму анархо-народнических взглядов своих учителей—Бакунина и Лаврова²⁾ Парижская Коммуна, в глазах тогдашней русской молодежи, — не что иное, как «общинная революция», преследующая те

¹⁾ Видный бакунист, известный в 70-х годах под именем Армана Росс. В настоящее время живет в Москве.

²⁾ «Бунтарская» тактика Бакунина, находившего, что русское крестьянство вполне созрело для социальной революции, гораздо больше соответствовала настроению молодежи, чем та длительная подготовка к революции путем пропаганды, на необходимость которой настаивал Лавров. Поэтому среди молодежи бакунисты преобладали над лавристами.

же анархические цели, как и близкая ей по духу грядущая русская революция. Однако, интересно отметить, что большинство этой молодежи, принявшее деятельное участие в революционном движении по возвращении на родину, избрали полем своей деятельности не деревню, а — фабрику и завод. Таковы участники «процесса 50-ти», судившиеся в 1877 году по обвинению в пропаганде среди фабрично-заводских рабочих: Джабадари, Софья Бардина, Лидия Фигнер, Бетти Каминская, Ольга Любатович, сестры Субботины и др. Правда, эта молодежь принципиально стояла на народнической точке зрения. В центре ее программы стояло крестьянство. К рабочим она шла с целью выработать из них пропагандистов для деревни¹⁾. Однако, в этой тяге к рабочим, может быть, бессознательно, сказались впечатления заграничной жизни, наблюдения, вынесенные из Цюриха, Женевы и Парижа... Ведь и Первый Интернационал, и Парижская Коммуна явились, прежде всего, результатом рабочего движения. Как ни рядила наша молодежь Парижскую Коммуну в «общинные» и народнические одежды, она не могла не видеть, что мартовская революция в Париже была делом рук пролетариата. И если при многих обысках, как об этом свидетельствуют обвинительные акты по процессам 50-ти и 193-х, жандармы часто

1) Различие между народническим и марксистским отношением к рабочему классу весьма ярко отразилось вскоре между Л. Тихомировым (один из виднейших семидесятников, впоследствии перешедший на сторону самодержавия) и Г. Плехановым. «Рабочие нужны для революции», писал Тихомиров. «Как раз наоборот: революция нужна для рабочих», — возражал Плеханов.

находили «Гражданскую войну во Франции» К. Маркса,¹⁾ то, быть может, объяснение этому надо искать не только в обаянии героического опыта Парижской Коммуны, но и в обаянии имени Маркса, как величайшего идеолога рабочего класса.

Итак, известная часть революционной интеллигенции 70-х годов смутно чувствовала, что Парижская Коммуна — детище пролетариата, рожденное в раскаленной атмосфере классовой борьбы. Это неясное представление могло отразиться на направлении ее практической деятельности, толкая ее к рабочему. Но оно не могло целиком войти в ее сознание. Сознание революционной молодежи было заражено народническими предрассудками. И пропагандируя среди рабочих, она прививала им эти предрассудки. Характерен в этом отношении адрес, посланный одесскими рабочими французским рабочим в годовщину Парижской Коммуны 18 марта 1878 г.:

«Одесские рабочие, собравшись на сходку в достопамятный день провозглашения Парижской Коммуны, шлют вам, французские рабочие, свой пламенный братский привет. Мы работаем на своей родине для той же великой идеи, для достижения которой погибло в 1871 г. на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся против эксплуататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы. А пока у нас

1) Одна из самых блестящих исторических работ Маркса, посвященная Парижской Коммуне.

идет глухая, неравная борьба, в которой гибнут медленной, мучительной смертью в тюрьмах и на каторге наши лучшие люди, эти мужественные застрельщики святого дела народного освобождения... Вы правы были, когда в 1871 г. говорили, что сражаемся за все человечество: да! интересы всех народов так тесно связаны между собой, что торжество народа в одной стране повлечет за собой торжество народа во всем мире...»

В этих горячих и расплывчатых приветственных фразах совершенно отсутствует классовое содержание. Говоря о «торжестве народа», одесские рабочие, повидимому, далеки от мысли о замене неопределенной формулы «народ» более точным понятием «пролетариат». Социальную революцию и пути, ведущие к ней, авторы адреса, без сомнения, представляли себе совершенно иначе, чем французские рабочие. Русский пролетариат еще не созрел для понимания своей собственной исторической роли.

Но время шло, социально-экономические отношения развивались и толкали сознание и революционной интеллигенции, и рабочих от народнических предрассудков в сторону марксизма. В начале 80-х годов русский революционный марксизм впервые выступает, как оформленное течение, а в 1889 г. он громко заявляет, устами Плеханова, на первом международном социалистическом конгрессе в Париже: «Революционное движение в России может восторжествовать только, как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

Пророческие слова Плеханова нашли блестящее подтверждение в подъеме рабочего движения середины 90-х годов. «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса», основанный Лениным и Мартовым в 1895 году, организованно охватывал сотни пролетариев и подчинил своему влиянию десятки тысяч. Рост рабочего класса в эту эпоху — не только количественный, но и качественный. Об этом свидетельствуют адреса, полученные французскими рабочими в годовищину Парижской Коммуны, 18 марта 1896 года, от петербургских и московских рабочих:

«Коммуна 1871 г., — говорится в Московском адресе, исходившем от 605 рабочих, — удивившая геройством весь мир, вызвавшая сочувствие пролетариата всех стран, тем менее могла ограться на России, только что вступившей на путь капиталистического развития, что пролетариат других стран, развитых капиталистически, был еще слаб, да и Париж во Франции стоял одиноким... Русские рабочие горды сознанием, что передовой бастион европейской реакции, который предстоит взять пролетариату всех стран — царизм, должен быть и м и разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немислима победа всего пролетариата, должен быть и м и свергнут . . .»

Какая огромная разница между этим адресом и адресом 1878 года! Здесь уже русский пролетариат выдержал экзамен на аттестат зрелости, он стоит во всеоружии своего классового самосознания перед ближайшей исторической задачей — свержением царизма. Заявляя, что без уничтоже-

ния царизма немыслима победа всего пролетариата, русские рабочие подчеркивают, что их ближайшая национальная задача имеет вместе с тем крупнейшее интернациональное значение.

И действительно, всякая чисто пролетарская революция неизбежно выходит из рамок национального события. Так, Парижская Коммуна 1871 г., начавшись, как оборонческое, национальное движение, завершила круг под знаком интернационализма. Не случайно то обстоятельство, что после разрушения Вандомской колонны, Вандомская площадь была переименована в Интернациональную. Не случайно и то, что боевая песня пролетариев всех стран — «Интернационал», была написана в дни Парижской Коммуны, членом Коммуны Эдуардом Потье¹⁾. Интернационализм — вот связующее звено между мартовской революцией 1871 г. в Париже и Октябрьской революцией 1917 г. в России. Через пол-столетие после Коммуны, 18 марта 1921 г., красное знамя борцов Парижской Коммуны было перевезено в Москву и передано в руки вождей русского пролетариата. Это не был красивый жест. Это было действие, полное глубокого исторического смысла. Красное знамя парижских коммунаров стало вещественным выражением преемственной связи между Парижской Коммуной и русским Октябрем в борьбе за великую конечную цель — освобождение труда.



¹⁾ На русский язык «Интернационал» переведен ныне здравствующим пролетарским поэтом А. Я. Коцем.